

А. Солнцев-Засекин

—♦—

Побег генерала
Корнилова
из австрийского плена

—♦—

Составлено по личным воспоминаниям,
рассказам и запискам
других участников побега
и самого генерала Корнилова

—♦—

Живая история (Кучково поле)

А. Солнцев-Засекин

**Побег генерала Корнилова из
австрийского плена. Составлено
по личным воспоминаниям,
рассказам и запискам
других участников побега и
самого генерала Корнилова**

Издательство «Кучково поле»

2014

УДК 355.11А/Я
ББК 63.3(2)6-8

Солнцев-Засекин А.

Побег генерала Корнилова из австрийского плена. Составлено по личным воспоминаниям, рассказам и запискам других участников побега и самого генерала Корнилова / А. Солнцев-Засекин — Издательство «Кучково поле», 2014 — (Живая история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0367-0

Воспоминания князя А. Солнцева-Засекина представляют собой уникальное свидетельство очевидца и одного из организаторов побега выдающегося русского военачальника генерала Л. Г. Корнилова из австрийского плена. Мемуары проливают свет на многие ранее неизвестные обстоятельства побега. Помимо рассказа непосредственно о подготовке и совершении Корниловым побега, автор приводит множество подробностей жизни русских военнопленных в австрийском плену во время Первой мировой войны.

УДК 355.11А/Я
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-9950-0367-0

© Солнцев-Засекин А., 2014
© Издательство «Кучково поле», 2014

Содержание

Забытые герои забытой войны	6
Побег генерала Корнилова из австрийского плена	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

А. Солнцев-Засекин
Побег генерала Корнилова
из австрийского плена:
Составлено по личным воспоминаниям,
рассказам и запискам других участников
побега и самого генерала Корнилова

© Государственный архив РФ, 2014

© ООО «Кучково поле», 2014

© Грюнберг Н. П., вступ. ст. и коммент., 2014

Забутые герои забытой войны

Человеческой памяти свойственно забывать то, о чем не напоминают, и хорошо помнить то, что упоминают постоянно. Чем меньше мы говорим о чем-либо, тем хуже это помним. Мы хуже помним и то, что оказалось в тени чего-либо более значимого, и более впечатляющее, поражающее воображение, или более успешное, что вытесняет из памяти менее яркое. Историческая память народа живет по сходным принципам – чем чаще упоминается какое-либо событие, тем живее о нем память. Если же сознательно не упоминать про него, то вскоре это событие забудется, даже несмотря на яркие и неординарные эпизоды, его наполняющие. Примером такой забытой страницы нашей истории может служить Первая мировая война, которую современники чаще называли Великой.

О Великой войне в Советском Союзе говорить было не принято по соображениям идеологическим, а если что-либо и говорилось, то в негативном ключе. Многие герои той войны были забыты по тем же соображениям, создав впечатление, будто о Великой войне и вспоминать нечего. Однако на самом деле это далеко не так, ибо, несмотря на все ужасы Первой мировой, те далекие события были наполнены примерами подлинного героизма, забывать о которых мы, наследники людей, их совершивших, права не имеем, и сейчас у нас появился уникальный шанс восполнить пробел в наших знаниях о Великой войне через публикацию ранее неизвестных источников того времени.

Хотя в Советском Союзе о Великой войне старалисьшний раз не вспоминать, все равно оставались люди, для которых память о ее героях стала одной из основ, столпов их мировоззрения. Это была русская эмиграция, в тоске по утраченной родине бережно сохранявшая любые крупницы, с ней связывавшие. Именно из эмигрантской среды вышли первые исследователи участия Русской Императорской армии в кровавых сражениях беспрецедентной по своим масштабам мировой бойни, и именно в ней сохранялись многие бесценные свидетельства событий, напроочь забытых в России. Воспоминания князя А. Солнцева-Засекина относятся именно к таким незаслуженно невостребованным материалам.

О самом авторе известно бесконечно мало. Мы знаем, что в 1915 году Солнцев-Засекин носил звание капитана Генерального штаба, хотя в документах Николаевской военной академии (Академии Генерального штаба) его фамилия не фигурирует. По его собственным словам, служил он в соединениях 7-й армии, вероятно в 5-м Кавказском или в 22-м армейском корпусе, и принимал участие в кровопролитной и бесполезной операции 7-й армии по прорыву австро-венгерского фронта на реке Стрыпа в декабре 1915 года. В это время линия соприкосновения русских и австро-венгерских войск проходила по этой сравнительно небольшой реке, обе противоборствующие армии вели позиционные бои и закапывались в землю. Знакомые с боевыми качествами русских войск, австрийцы, не надеясь на стойкость своих солдат, постарались максимально укрепиться на занятых позициях, прикрыв траншеи 25 рядами колючей проволоки. Русское наступление мало того, что начиналось в разгар декабрьских морозов, так еще и столкнулось с необходимостью преодоления не только заграждений из колючей проволоки, но и топких берегов Стрыпы. Командующий войсками 7-й армии генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев не смог организовать взаимодействие своих корпусов и дивизий, и в результате наступление превратилось в серию несогласованных ударов разрозненных бригад и дивизий на почти семидесятикилометровом фронте. Финляндские и туркестанские стрелки шли в атаку в метель, по тонкому льду Стрыпы, проваливаясь в не успевшие промерзнуть болота вдоль ее русла, гибли под огнем пулеметов на австрийских заграждениях и, не выдерживая бесконечной бойни, откатывались назад, оставляя после себя висящих на проволоке убитых и раненых. Австрийцам не составляло труда отбивать слабые поочередные удары, сходные с ударом растопыренными пальцами вместо удара кулаком. Операция продолжалась 10 дней и стоила

7-й армии более 24 тысяч солдат и офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Среди последних оказался и князь Солнцев-Засекин, подобранный австрийскими солдатами на берегу Стрыпы. В австрийском плену ему довелось стать пускай и не самым важным, но все же участником подготовки побега генерала Корнилова, и именно об этом событии повествуют его мемуары, дополняя и расширяя рассказы других участников подготовки и осуществления побега, таких как австрийский солдат, чех по национальности, Франтишек Мрняк.

Почему именно Корнилов, а не какой-либо другой пленный русский генерал, пользовался такой популярностью как среди русских пленных, так и среди солдат противника, что ему были готовы помогать и свои, и чужие, и почему именно чешский солдат решил помочь обрести генералу свободу?

Лавр Георгиевич Корнилов был поистине неординарной личностью, известной не только выдающимися подвигами, но и своей уникальной карьерой, сделанной без какой-либо протекции, связей в гвардии или Генеральном штабе или благодаря аристократическому происхождению. Лавр Георгиевич родился не в столице и не в крупном губернском городе, он появился на свет 18 (30) августа 1870 года в далеком захолустье великой империи, в городе Усть-Каменогорске Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области. Мнения насчет того, кем были его отец и мать, сильно разнятся, однако он сам утверждал, что был сыном урядника Сибирского казачьего войска Георгия Николаевича Корнилова, служившего переводчиком в 7-м Сибирском казачьем полку, расквартированном в Кокчетавской станице. Его мать – Прасковья Ильинична – происходила из известной сибирской казачьей семьи Хлыновских, в которых текло немало калмыцкой крови. Очевидно, по этой линии Лавр Георгиевич унаследовал монголоидные черты и склонность к восточным языкам.

Лавр был четвертым ребенком в семье. Отец, несмотря на получение офицерского чина, оставил военную службу, перейдя в гражданское ведомство, но постарался дать всем своим сыновьям военное образование. Кроме старшего сына, Антона, не способного к военной службе по состоянию здоровья, все братья учились в Омске, в Сибирском кадетском корпусе. Лавр поступил в него в 1883 году. Сначала он был принят в корпус как «приходящий» кадет, поскольку не выдержал экзамены так, чтобы быть зачисленным на казенное содержание. Это означало, что Лавр не мог жить в стенах корпуса, что серьезно отражалось на бюджете семьи. Однако после первого же года обучения высокими оценками успеваемости Корнилов заслужил право обучаться за счет казны и окончил корпус одним из лучших, что дало ему право выбора училища, в котором должно проходить его дальнейшее военное образование. Лавр Георгиевич выбрал Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, так как любил математику, и поступил в него 29 августа 1889 года.

В Михайловское артиллерийское училище стекались самые лучшие кадеты со всех уголков империи, что само по себе придавало ему привилегированный статус. Обучение в нем длилось три года, каждое лето личный состав училища отправлялся в Красное село на лагерные сборы и маневры Гвардейского корпуса, засчитывавшиеся как практические занятия. Училище славилось своими балами 25 ноября, в честь училищного праздника, значительно превосходя по их уровню такие престижные военно-учебные заведения, как Николаевское кавалерийское и Николаевское инженерное училища. Но, мало того, сами по себе артиллеристы в силу высокого уровня образования считались «армейской аристократией» и представляли своего рода элиту вооруженных сил страны.

Жизнь в столице империи была не из дешевых, и Лавру Георгиевичу приходилось самостоятельно зарабатывать на жизнь, чтобы не быть обузой семье. Юнкер Корнилов давал уроки математики и писал статьи по зоогеографии, умудряясь даже помогать деньгами престарелым родителям. Учился он отлично, несмотря на трудности, и быстро снискал всеобщее уважение. Уже в марте 1890 года Корнилов стал училищным унтер-офицером, а в следующем году – портупей-юнкером. 4 августа 1892 года после окончания дополнительного курса Корнилов был

выпущен из училища по 1-му разряду, среди лучших в своем курсе. Это давало выпускнику право выбора любого подразделения для дальнейшей службы, вплоть до гвардии, что давало блестящие перспективы, однако Лавр Георгиевич принял неожиданное решение. По собственному желанию он был выпущен подпоручиком в 5-ю батарею Туркестанской артиллерийской бригады, в самую глушь, куда, как правило, попадали не самые лучшие офицеры. Однако у Корнилова был свой расчет – Туркестан становился передовым стратегическим направлением, поскольку именно здесь намечался конфликт с Великобританией, крайне болезненно реагировавшей на продвижение русских за реку Пяндж в Афганистан.

После двух лет службы в Туркестане Лавр Георгиевич решает пойти дальше. Для строевого армейского офицера практически не было шансов сделать хорошую карьеру, все, на что можно было надеяться – получить после долгих лет тяжелой службы чин подполковника. Чтобы пойти по карьерной лестнице дальше, необходимо было окончить Николаевскую академию Генерального штаба в Санкт-Петербурге, дававшую своим выпускникам набор специфических знаний, необходимых для штабной службы и управления большими соединениями. Отбор в Академию был строжайший, и лишь очень хорошо подготовленные кандидаты могли успешно сдать вступительные экзамены. Корнилов подал рапорт на поступление в Академию в 1894 году, а в 1895-м блестяще сдал экзамены с средним баллом 10,98 из максимально возможных 12.

Во время обучения в Академии Лавр Георгиевич познакомился с Таисией Владимировной Марковиной и в 1896 году женился на ней, а еще годом позже у них родилась дочь Наталья.

Корнилов окончил Академию в 1897 году с малой серебряной медалью и с занесением имени выпускника на мраморную доску в конференц-зале Академии – подобной чести удостоивались немногие. Верный себе Корнилов вновь отказался от службы в столице – его опять ждал Туркестанский военный округ, где для офицера Генерального штаба был поистине непочтатый край работы. Именно тут, на стыке сфер влияния России и Великобритании, на территориях Памира, Тибета, Ирана и Афганистана, шла столь метко названная Кипплингом Большой игрой борьба двух империй не на жизнь, а на смерть за важнейшие для них территории, государства и области Азии.

Большая игра выливалась в самые различные формы военно-политического давления империй друг на друга. Участниками Большой игры были и губернаторы, и главнокомандующие, и дипломаты, и разведчики, и промышленники, и агенты, но, пожалуй, одними из самых важных действующих лиц этой игры были путешественники-географы, без тяжелой, опасной и неприметной работы которых Большая игра была бы невозможна. Территории, разделявшие русский Туркестан и южные провинции британской Индии, на карте в то время выглядели как одно огромное белое пятно. Это пятно благодаря усилиям таких людей, как Пржевальский или Семенов-Тянь-Шаньский, неизменно и постоянно сужалось, но к моменту возвращения Корнилова из Академии в Туркестан все равно оставалось более чем значительным. Без постоянной работы географических экспедиций Большая игра была невозможна, и Корнилов, знавший ряд местных диалектов и обладавший опытом местной жизни, очень быстро стал ее участником. По прибытии в Ташкент, где находился штаб Туркестанского военного округа, Лавр Георгиевич был назначен помощником старшего адъютанта округа, однако занимал эту должность исключительно номинально, ибо в действительности выполнял задачи, принесшие его имени огромную известность.

К востоку от южной части русского Туркестана лежал принадлежащий так называемый Восточный Туркестан, делящийся на две части – северную (Джунгария) и южную (Кашгария). В конце XIX века Джунгария была относительно неплохо изучена, но Кашгария была для европейцев самым настоящим пробелом на карте. В Генеральном штабе обоснованно считали, что Кашгария может стать объектом британских интересов наравне с Афганистаном. Чтобы не повторять бесконечную и безрезультатную борьбу за Афганистан в Восточном Туркестане,

было необходимо как можно более полно изучить этот регион, наладить контакты с местными властями, торговцами, влиятельными лицами, изучить местные крепости и, наконец, создать собственную агентурную сеть, чтобы получать своевременную информацию об активности британцев в регионе. Задача была крайне сложной, но капитан Корнилов взялся за нее. В 1898 году он уже прославился на весь Туркестан своей безрассудно смелой разведкой британской крепости Дейдади в Афганистане, когда, переодевшись туркменом, изучил ее укрепления и создал их схему. В течение нескольких лет Корнилов путешествует по Кашгарию, делает топографические съемки, изучает крепости, общается с чиновниками, вербует агентов, собирает сведения о ее населении, их обычаях, привычках, склонностях. Эта работа легла в основу не только военных планов Российской империи и секретных материалов, обосновавшихся в разведывательном отделе Генерального штаба. В 1903 году Корнилов издает книгу «Кашгария, или Восточный Туркестан» – полномасштабный научный отчет об этнографии, географии, военно-политическом состоянии региона. За экспедиции в Кашгарию Лавр Георгиевич был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. Оценил его труды и противник – карты и схемы кашгарских крепостей широко использовались в британском «Военном отчете по Кашгарию» 1907 года.

Работа по Кашгарию принесла известность Корнилову не только как исследователю, но и как блестящему разведчику. Следующее задание не менее сложное и невероятно рискованное – отряду под руководством капитана Генерального штаба Корнилову предстояло исследовать и картографировать малоизученную часть Восточного Ирана, еще одно белое пятно на картах, известное как Степь Отчаяния. Степь Отчаяния на самом деле не степь, в действительности это безводная знойная пустыня, которую не решались изучать британские исследователи, и ни один европеец не смог ее пересечь. В 1902 году Корнилову это удалось сделать. Вместо отметки «неисследованные земли» на картах появились результаты русской топосъемки, а отчеты Лавра Георгиевича об экспедиции изобиловали богатейшим географическим, этнографическим и военным материалом. В экспедициях по отдаленным районам Азии Корнилову неизменно помогало прекрасное знание восточных языков – урду, фарси, монгольского, казахского и киргизского, а также попутно удалось изучить английский – язык, без знания которого в сфере влияния Великобритании действовать было крайне сложно.

В 1903 году Корнилов был отправлен в Индию для «изучения языков и нравов народов Белуджистана». По факту он выполнял задачу по оценке состояния британских колониальных войск – главной угрозы русскому Туркестану. В Индии Лавр Георгиевич с удивлением обнаружил, что его имя уже знакомо британским офицерам, настолько известными стали его работы и очерки по географии Центральной Азии. Успешное выполнение этого непростого задания завершилось присвоением Корнилову чина подполковника и возвращением в 1904 году в Россию, в Санкт-Петербург, где его ждала должность столоначальника Главного штаба. Однако штабная работа была не по нутру энергичному, не любившему сидеть на месте Корнилову, и он добился своего перевода в Манчжурскую армию, уже несколько месяцев как вовлеченную в неожиданно начавшуюся, но давно назревавшую войну с Японией. Здесь, на промерзших сопках Манчжурии, имя Корнилова как военачальника впервые прогремит на всю Россию.

По своем прибытии на театр боевых действий Лавр Георгиевич был назначен штаб-офицером при штабе, а затем и начальником штаба 1-й стрелковой бригады. Стрелки считались второсортными полками, пригодными лишь для борьбы с бандитами и переподготовки новобранцев, но в Манчжурии они оказались в первой линии, составив основу действующей армии. Боевое крещение 1-я стрелковая бригада и вместе с ней Корнилов приняли в сражении при Сандепу в январе 1905 года. Корнилов быстро нашел общий язык с солдатами, не боялся вражеского огня и, не стесняясь, появлялся в первой линии. Бесстрашие старшего офицера благотворно действовало на необстрелянных солдат, и вскоре они были готовы идти за Корниловым в огонь и воду.

Случай продемонстрировать свои боевые качества представился неожиданно и скоро. После сражения при Мукдене 1-я стрелковая бригада была оставлена в арьергарде прикрывать отход армии и, из-за безответственности начальников соседних частей, оказалась окруженной в деревне Вазье. Командир бригады потерял голову, не зная, что предпринять, однако Лавр Георгиевич не растерялся: быстро собрав ударный отряд, с развернутыми знаменами и прижатыми штыками во главе своих стрелков он двинулся на японцев, не выдержавших удара. Бригада, которую в штабе армии уже было хоронили, вышла из окружения в полном составе и вынесла всех своих раненых. За этот подвиг Корнилов был удостоен производства в полковники вне очереди («за боевые отличия»), ордена Святого Георгия 4-й степени и высшей военной награды империи – Золотого оружия «За храбрость». Этот героический эпизод стал широко известен, и Корнилов, чье имя было уже на слуху как исследователя, приобрел большую популярность как герой войны, офицер, способный своей волей переломить ход сражения.

Знание Корниловым специфики Центральной Азии и после Русско-японской войны было не менее востребовано. Большая игра закончилась взаимным признанием сфер влияния, однако на востоке усилилась новая угроза – японское влияние в Китае становилось все сильнее, да и сам Китай начинал понемногу усиливаться. В 1907 году Лавр Георгиевич был назначен военным агентом в Китае. На этой должности он был словно рыба в воде: освоил китайский язык, объездил внутренние провинции страны, изучил до того недооцененный людской и военный потенциал Китая, обеспечивал дипломатическую и материальную поддержку русских разведывательно-географических экспедиций. Именно Корнилов первым пришел к выводу, что в перспективе Китай способен стать силой, с которой придется считаться всему миру. За блестящие результаты своей миссии Корнилов был пожалован орденом Святой Анны 2-й степени.

В 1910 году Корнилов был отозван обратно в Россию, однако прибыл в Санкт-Петербург всего лишь через 5 месяцев, потратив это время на изучение военных сил Китая в Западной Монголии и Кашгарии вдоль границ с империей. 8 февраля 1911 года Лавр Георгиевич вступил в командование 8-м пехотным Эстляндским полком, входившим во 2-ю пехотную дивизию 23-го армейского корпуса Варшавского военного округа, расквартированным на станции Яблонка Варшавской губернии. Назначение офицера командиром полка без цензового командования ротой и батальоном – случай беспрецедентный для русской армии того времени, однако и сам Корнилов был уникальным офицером. Командовать полком пришлось недолго, и уже 3-го июня Лавр Георгиевич снова получил назначение в Азию – на этот раз на Дальний Восток, в Заамурский округ пограничной стражи. Здесь он возглавил 2-й отряд из 2 пеших и 3 конных полков, расквартированный в Харбине, в задачу которого входила охрана КВЖД – Китайской Восточной железной дороги, связывавшей напрямую Читу и Владивосток, и потому представлявшую стратегическую важность.

Служба на КВЖД не была спокойной, так как вдоль нее, как и по всей Манчжурии, орудовали хунхузы – свирепые и дерзкие бандиты, терроризировавшие целые города. Хунхузы промышляли грабежом, не брезговали нападать и на поезда, а после Русско-японской войны вооружились собранным на полях сражений оружием и стали представлять серьезную опасность для русских гарнизонов. Заамурским пограничникам приходилось служить в постоянной боевой обстановке, что вполне соответствовало характеру Лавра Георгиевича. Однако на КВЖД не обходилось и без серьезных хищений средств русскими чиновниками, против чего Корнилов решительно восставал, чем нажил себе множество врагов. Командующий войсками Заамурского округа пограничной стражи генерал-лейтенант Е. И. Мартынов, видя злоупотребления, в 1913 году решил начать борьбу с ними по-своему. Отличаясь либеральными взглядами, Мартынов приступил к публикации статей о хищениях на КВЖД в гражданской прессе, обильно снабжая свои работы копиями секретных документов. Этот демарш вызвал волну негодования в офицерском сообществе России, посчитал подобные действия несомне-

стимыми с офицерской честью и Корнилов, вступив в прямую конфронтацию с начальником. В результате грандиозного скандала Мартынов оказался под судом, а Корнилова перевели от греха подальше в 9-ю Сибирскую стрелковую дивизию во Владивосток, назначив командиром ее 1-й бригады. В лице Мартынова Лавр Георгиевич нажил себе смертельного врага, а следующая их встреча произошла в совершенно другом месте при совершенно других обстоятельствах – в лагере для военнопленных.

По мобилизации июля 1914 года произведенный в генерал-майоры Корнилов возглавил бригаду в 49-й пехотной дивизии, направлявшейся на формирующийся Юго-Западный фронт. Войну Лавр Георгиевич воспринял с энтузиазмом, ибо только война позволяла использовать все его таланты и способности в полную силу. Однако командовать бригадой долго не пришлось – уже 19 августа Корнилов был назначен начальником 48-й пехотной дивизии из состава 24-го армейского корпуса 8-й армии Юго-Западного фронта. Эта дивизия не считалась хорошим подразделением, и ее боеспособность ставилась под сомнение. Она была сформирована из полков, развернутых на базе резервных пехотных батальонов и полков Казанского военного округа, ее полки не обладали ни славной историей, ни хорошими кадрами, ни боевым духом. За несколько недель Корнилов полностью преобразил соединение: прибытие генерала, имя которого уже было известно всей России, воодушевило солдат, его энергия, целеустремленность и воля к победе вскоре передались и подчиненным, а бесстрашие, необычайная личная храбрость завоевали их сердца. Корнилов провел свою дивизию через тяготы битв в Галиции и зимних боев в Карпатах, и каждая его операция приносила ему и его солдатам успех и славу. За отвагу и стойкость 48-я пехотная дивизия получила прозвище «стальной», а имя Корнилова стало внушать австрийцам благоговейный страх.

Таков был человек, оказавшийся в австрийском плену, и немудрено, что многие пленные сочли за честь помочь Корнилову вернуться на Родину. Но почему же австро-венгерский солдат чех Франтишек Мрняк счел своим долгом нарушить присягу и помочь генералу враждебной ему армии?

Причина такого выбора Мрняка кроется в истории Австро-Венгрии и Габсбургской монархии. Австрийская империя возникла на руинах обрнутой Наполеоном Бонапартом Священной Римской империи германской нации, аморфного государственного образования, являвшегося чистой воды пережитком средневековья. Священная Римская империя состояла из огромного конгломерата всевозможных германских государств с самыми разными формами правления, управлявшимся по самым разным законам, а зачастую и вовсе по произволу их владетеля. Бесчисленные имперские графы, герцоги, князья, бароны и города оспаривали друг у друга клочки территории, жили в долг и охотно торговали своими солдатами. Над всем этим хаосом возвышались императоры Священной Римской империи из династии Габсбургов, в чьи владения входили не только герцогство Австрия, но и земли Чешской короны, королевство Венгрия, княжество Трансильвания, Королевство Хорватия и Славония и целый ряд других земель. Весь этот многонациональный и разнорелигиозный конгломерат управлялся австрийскими монархами, которые были одновременно и императорами Священной Римской империи, и королями, герцогами или князьями входивших в их династические владения земель. В этой разнообразности и крылся корень всех противоречий, усиление которых и привело Габсбургскую монархию к краху. В 1804 году в противовес Бонапарту, к удивлению всего мира ставшему императором Франции, император Франц II Габсбург провозгласил себя императором Францем I Австрийским, чем также удивил цивилизованный мир. В 1806 году вследствие военных поражений Австрии Наполеон настоял на упразднении Священной Римской империи, а после краха Бонапарта политическая карта Европы изменилась настолько, что о восстановлении Священной Римской империи больше не могло быть и речи, и Габсбургская монархия окончательно стала тождественной Австрийской империи. Однако народы, ее населявшие, не собирались отказываться от претензий на национальный суверенитет, некогда утраченный

в силу военной и дипломатической активности Габсбургов эпохи Ренессанса, и сепаратистские настроения неизменно пользовались популярностью на не-немецких территориях империи. Подлили масла в огонь и сами Габсбурги, избрав наиболее неудачный способ решения проблемы сепаратизма – насильственная германизация находящихся под юрисдикцией империи народов. В 1848 году все нараставшее недовольство политикой императоров вылилось в Весну народов – серию национальных восстаний на территории империи, из которых выделялось своим размахом и мощностью Венгерское восстание. С огромным трудом Габсбургам удалось подавить выступления и пойти на крайнюю меру – ликвидацию федеративного устройства страны с заменой на унитарную абсолютную монархию. Поражения Австрии в войне за объединение Италии и Австро-прусской войне наравне с усилением активности венгерской элиты, дипломатической изоляцией и усилением давления России подтолкнули императора Франца-Иосифа к трансформации государства в унию империи Австрия и королевства Венгрия. Согласно австро-венгерскому соглашению, территория империи делилась на две части – территорию австрийской короны и территорию венгерской короны, автономную во всем, кроме внешнеполитических, финансовых и военных вопросов. Австрийская империя превращалась в двуединую монархию Австро-Венгрия, а императором Австрии и королем Венгрии становился один и тот же человек – император Франц-Иосиф. Соглашение устроило элиты Австрии и Венгрии, однако совершенно не устраивало прочие народы империи, в первую очередь чехов и хорватов. Чехи требовали восстановления прав Чешской короны и видели их в уравнивании в правах с Венгрией, хорваты были недовольны включением их в юрисдикцию Венгрии. В результате игнорирования этих проблем к началу XX века необычайно обострились чешско-венгерские и чешско-австрийские противоречия, не отставали от чехов и словаки, а хорваты и сербы также почти открыто конфликтовали с венграми и австрийцами. По сути, внутри Австро-Венгрии сложился острейший конфликт славян, добивавшихся автономии, и немцев и венгров, видевших в автономии славян угрозу своей власти. В условиях внутренней нестабильности и отсутствия каких-либо инструментов разрешения национальных противоречий империя Габсбургов и вступила в мировую войну, видя в ней способ устранения всех своих проблем. Обернулось это решение прямо противоположным результатом.

В начале XX века среди славянского населения Австро-Венгрии все большую популярность набирали идеи панславизма, объединения славян империи в борьбе за свои права. Очевидно было, что ни венгры, ни австрийцы, ни имперские власти, в подавляющем большинстве своем состоявшие из первых и вторых, не собираются хоть в чем-то уступить славянам. Понимание безысходности ситуации и нежелания империи хоть что-либо менять привело к возникновению целого ряда полулегальных и нелегальных славянских организаций, своей целью видевших как минимум достижение автономий внутри империи, как максимум – отделение от нее и воссоздание собственных национальных государств. Наибольшую активность проявляли чешские и словацкие организации, самой мощной из которых был Чешский национальный комитет. В условиях нежелания имперских властей достичь компромисса все надежды чехов обратились к России, не только на словах, но и на деле являвшейся защитником интересов славян в Европе. С началом Первой мировой войны идея, что именно Россия поможет чехам и словакам обрести долгожданную независимость, приобрела массовый характер. Чешские солдаты не горели желанием воевать за двуединую монархию, в которой не видели для своего народа никаких перспектив, в землях Чешской короны широко распространились уклонение от призыва, мелкий саботаж и посильная помощь русским военнопленным. Именно в сложной и тяжелой внутривойсковой ситуации, в которую сама себя загнала Габсбургская монархия, и кроются истоки причин, по которым австрийский солдат чешского происхождения Франтишек Мрняк решил помочь генералу Корнилову вернуться в Россию для продолжения борьбы с Австро-Венгрией. К сожалению, надежды чехов на помощь России не оправдались. Вскоре сама Россия скатилась в пучину революции и хаос гражданской войны, в котором было вовсе

не до чешской независимости. Лавр Георгиевич Корнилов стал одним из основателей, вдохновителей и идеологов Белого движения, сопротивления большевизму, и после победы красных всякая память о нем – о выдающемся полководце, блестящем исследователе и бесстрашном разведчике, человеке долга и чести – вытравливалась из народного сознания с усердием, достойным иного приложения. Сейчас, когда нас не ограничивают идеологические рамки, мы имеем возможность иначе взглянуть на эту уникальную личность и на его роль в истории. А представленные вашему вниманию воспоминания восполняют огромный пробел в отечественной исторической литературе и дают ключ к пониманию, кем же был на самом деле Лавр Георгиевич Корнилов.

Н. Грюнберг

Побег генерала Корнилова из австрийского плена Составлено по личным воспоминаниям, рассказам и запискам других участников побега и самого генерала Корнилова

После года заключения в казематах чревычайки, после сыпного и возвратного тифа, холеры, желтухи и цинги, которые мне пришлось перенести без врачебного ухода в кошмарных условиях жизни пленного белогвардейца, моя память, которой я так гордился когда-то, начинает слабеть. Многие даты событий, которым я был свидетелем и участником, более мелкие подробности и обстоятельства этих событий я начинаю уже забывать. Между тем в моей жизни были события и встречи, имеющие значение не только лично для меня, но представляющие безусловно исторический интерес.

Таким событием мне представляются мои отношения с генералом Корниловым, и то, хотя незначительное, участие, которое я принимал в организации его знаменитого, но в то же время малоизвестного, побега из австрийского плена.

И для историка этой эпохи, и для историка русской армии, который желал бы выяснить мало освещенный в военно-исторической литературе вопрос о русской армии в плену (так как по численности в немецко-австрийском плену была целая армия), и, наконец, для историка, изучающего жизнь, деятельность и взгляды одного из самых крупных деятелей нашего времени, каким, несомненно, был генерал Корнилов, мои воспоминания о его плене и побеге, мне кажется, могли бы дать материал для выводов, которые мне сделать не под силу. Не под силу не только как неспециалисту, но и просто как человеку, лично переживавшему те события, о которых я собираюсь писать, так как, при всем стремлении к полной беспристрастности и объективности, участнику каких-либо событий трудно произвести верную оценку их.

Единственно, что зависит от меня, – это избегать отражений моих личных взглядов и убеждений, симпатий и антипатий и записывать не те события и эпизоды, которые мне, может быть, хотелось, почему-либо оттенить, а все те, которые мне вспоминаются сейчас, когда я пишу, может быть, бессознательно останавливаясь дольше на том, что мне кажется более важным, но, во всяком случае, не умалчивая сознательно ни о чем, каким бы неосуществимым мне лично не казался тот или иной факт. Может быть, благодаря этому мой труд окажется излишне подробным, но эти «длинноты» представляются мне меньшим недостатком, чем отбор одних фактов и умалчивание о других. Это должно быть задачей историка, а не очевидца и участника событий.

Есть еще одно, чего я стремился бы достигнуть, – это передать все, чему я был свидетелем, не подвергая свои воспоминания литературной обработке и не гонясь за занимательностью их для читателя. Мне кажется, что даже при таком стремлении с моей стороны мои воспоминания могут показаться людям другого поколения, жившим в более спокойное время, несколько фантастическими, но это уже не моя вина, если действительная жизнь бывает иногда фантастичнее любого романа и написанный сухим канцелярским языком послужной список генерала Корнилова или Маркова¹, кажется, должен порою звучать как эпическая поэма.

О побеге генерала Корнилова из австрийского плена мне приходилось уже делать публичные доклады во времена Добровольческой армии², когда летом 1919 года, находясь в тылу

---

¹ Марков Сергей Леонидович (1878–1918) – выдающийся русский военачальник, политический деятель, военный ученый и преподаватель. Участник Русско-японской и Первой мировой войн.

² Добровольческая армия – оперативно-стратегическое объединение белой армии на Юге России в 1917–1918 гг. во время Гражданской войны в России.

армии на излечении в одном из лазаретов города Кисловодска, переполненного тогда недорезанной русской буржуазией, я читал лекции на эту тему в присутствии бывшего тогда главнокомандующим генерала Деникина³, всех казачьих атаманов и высших начальствующих лиц Вооруженных сил Юга России⁴, а также семьи покойного генерала Корнилова, вдовы генерала Алексеева⁵ и В. Я. Колчака – двоюродного брата Верховного правителя⁶.

Мне несколько раз тогда пришлось повторить эту лекцию по предложению отдела пропаганды, а по просьбе военного губернатора Терско-Дагестанского края⁷ генерал-лейтенанта Невадовского⁸ и начальника штаба скаутских организаций⁹ Северного Кавказа барона де Лорг прочесть ту же лекцию для учащихся средне-учебных заведений края и бойскаутов, которые были специальными поездками доставлены на мою лекцию из Пятигорска, Железноводска, Ессентуков и Минеральных Вод. По просьбе генерала Шкуро¹⁰ я читал те же лекции донским казакам его корпуса¹¹.

Но у меня остались только воспоминания о минутах триумфа, а все записки и заметки, набросанные для лекций и заготовленные для дочери генерала Корнилова – Натальи Лавровны Корниловой, пропали у меня в хаосе Гражданской войны.

Между тем полная картина становящегося полуполюгендарным побега Корнилова из плена мне более известна, чем кому-либо другому, даже принимавшему в побеге несравненно большее участие, чем я сам, так как я разыскивал и расспрашивал других участников побега, чтобы их воспоминаниями увеличить свои сведения о побеге, восполнить то, что не мог знать я лично. Таким образом отрывочные и разрозненные сведения систематизировались и пополняли друг друга.

Я один из всех участников в организации побега Корнилова, который после – в России – встретился с ним и слышал от него лично воспоминания о тех подробностях побега, которые могли быть известны только ему.

Перед публичным чтением мною лекций о побеге я предварительно читал их на дому дочери генерала Корнилова, которая их как бы корректировала и дополняла теми воспоминаниями, которые сохранились у нее от рассказов отца. Мне невольно вспоминается жаркий летний день, утонувшая в зелени вилла, идущая по золотой от солнца аллее жена Деникина с

---

³ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – выдающийся русский военачальник, общественный и политический деятель, военный документалист, публицист, мемуарист, писатель. создании Добровольческой армии. Командир 1-й Добровольческой дивизии, помощник главнокомандующего Добровольческой армией, а после гибели Корнилова – главнокомандующий Добровольческой армией. С января 1919 по 17 апреля 1920 г. – главнокомандующий Вооруженными силами Юга России.

⁴ Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) – оперативное стратегическое объединение белых армий на Юге России для борьбы с большевиками, существовавшее в 1919–1920 годах.

⁵ Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) – выдающийся русский военачальник и политический деятель, крупнейший русский полководец Первой мировой войны. Основатель Добровольческой армии.

⁶ Имеется ввиду Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – русский военный и политический деятель, ученый-океанограф, флотоводец, один из вождей Белого движения, Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий Русской армией (1918–1920).

⁷ Терско-Дагестанский край – административная единица в Российской империи, состоявшая из Терской и Дагестанской областей. Занимал большую часть территории современных Дагестана, Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. Во время Гражданской войны в России управлялся военным губернатором.

⁸ Невадовский (Неводовский) Николай Дмитриевич (1878–1939) – русский генерал, участник Первой мировой и Гражданской войн. С июня 1919 года – инспектор артиллерии войск Северного Кавказа и военный губернатор Терско-Дагестанской области.

⁹ Скаутские организации – организации российского юношеского движения, занимающегося физическим, умственным и нравственным развитием с целью занятия их участниками конструктивного места в обществе. После прихода к власти большевиков скаутские организации оказались под запретом, на территориях, контролируемых Белым движением, продолжали свою деятельность и были уничтожены после победы красных в Гражданской войне.

¹⁰ Шкуро Андрей Григорьевич (1886–1947) – русский военный деятель, кубанский казак. Участник Первой мировой и Гражданской войны в России.

¹¹ Корпус Шкуро – 1-й армейский корпус Кавказской Добровольческой, а затем Добровольческой армий.

грудным ребенком на руках, а рядом со мною на веранде с распущенными длинными до колен волосами задумчиво слушает меня дочь генерала Корнилова, Наталья Лавровна – Наташа Корнилова, как ее звала за глаза вся Добровольческая армия – теперь жена генерала Шапрон дю Ларре¹², первого офицера, записавшегося в Добровольческую армию 2 ноября 1917 года...

И теперь, когда я стараюсь восстановить в памяти содержание читанных когда-то мною лекций, я пользуюсь записанными воспоминаниями и устными рассказами главного помощника Корнилова по побегу из плена – Францишика Мрняка, осужденного когда-то на смерть австрийским военным судом¹³. И в моей памяти невольно встают маленькие, бедно обставленные комнаты, плач грудного ребенка, улыбающаяся старушка-мать Мрняка с такими мелкими, уютными морщинками у уголков глаз, радушно провожающая меня до дверей...

И мне кажется, что моя обязанность рассказать все, что я знаю об этих людях, о трудностях того героического побега из вражеского плена, одним из организаторов которого пришлось быть мне самому.

Вряд ли кто из людей нашего поколения не помнил героической эпопеи обороны генерала Корнилова при его взятии в плен.

Оставленный прикрывать со своею дивизией отход наших армий при Горлицком прорыве¹⁴, Корнилов отходил с последними нашими частями, выдерживая тяжелые арьергардные бои. Дважды раненный в руку и ногу в этих боях, но оставшийся в строю, он шел в *последней цепи*.

Немного людей было в этой цепи и немного было взято в плен австрийцами вместе с Корниловым, когда эта цепь была обойдена с флангов и окружена: начальник штаба дивизии – Генерального штаба полковник Кислов¹⁵ (позже – председатель первого Всероссийского съезда инвалидов¹⁶), пять строевых солдат и один санитар. Как и сам Корнилов, все они (и санитар в том числе) были переранены и не имели возможности защищаться при их окружении и избегнуть плена: не имели патронов отстреливаться дольше, не имели и физических сил бороться холодным оружием.

Такой плен не был позорным. Лучшей оценкой доблести этих людей было то, что полковника Кислова, которому пришлось ампутировать раненую ногу, австрийское командование долго отказывалось признать инвалидом и отпустить в Россию по обмену, несмотря на неоднократные постановления нескольких врачебных комиссий.

Да полковник Кислов и без ноги, как и его товарищи по положению, оставался опаснее для противника, быть может, нескольких десятков вполне здоровых офицеров...

С первого дня плена Корнилов затаил мечту о побеге, но не скоро ее удалось осуществить.

---

¹² Шапрон дю Ларре Алексей Генрихович (1883–1947) – один из деятелей Белого движения, адъютант генералов М. В. Алексеева и А. И. Деникина. Первым записался в Алексеевскую организацию, участник 1-го Кубанского похода. Командир 2-го конного генерала Дроздовского полка. Покинул Россию вместе с генералом Деникиным.

¹³ Содержание записок Францишика Мрняка полностью вошло в мои настоящие воспоминания. (Примеч. авт.)

¹⁴ Горлицкий прорыв – наступление австро-германских войск 2-15 мая 1915 г. Входил в план по разгрому русских фронтов в 1915 г. План предусматривал быстрый прорыв фронта в районе Горлице (севернее Карпатских гор и южнее реки Вислы), не имевшем естественных рубежей обороны, в сочетании с фланговыми ударами из Восточной Пруссии и Галиции. В результате выполнения плана основные силы Российской Императорской армии оказались бы в окружении в районе Варшавы. Упорное сопротивление русской 3-й армии не позволило немцам в полной мере реализовать свой план, однако ее поражение привело к отводу Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, получившему название Великого отступления. Горлицкий прорыв и Великое отступление свели на нет все успехи русских войск 1914 и начала 1915 г. Автор неточен, так как 48-я пехотная дивизия сражалась не у Горлицы, а в Карпатах и прикрывала отход не 3-й армии генерала Радко-Дмитриева, а 8-й армии генерала Брусилова.

¹⁵ Кислов Александр Ильич (1875–1937) – начальник штаба 48-й пехотной дивизии, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. С января 1915 г. – начальник штаба 48-й пехотной дивизии. Вернулся из плена в 1917 г., назначен начальником Одесского пехотного училища. С 1918 г. – в армии Украинской державы. С марта 1920 г. – в эмиграции. Проживал в Югославии.

¹⁶ Всероссийский съезд инвалидов – очевидно, так автор именует Союз российских инвалидов.

Когда Корнилов оправился от ран, австрийское командование привело его в лагерь для военнопленных в замок Нейденгбах¹⁷, близ Вены.

Лагеря военнопленных и условия жизни в них не всегда и не везде были одинаковы и это необходимо не упускать из виду, чтобы иметь ясное представление того, в каких условиях и обстановке совершился побег Корнилова из плена.

Если бы расспросить нескольких человек, или даже несколько десятков и сотен бывших русских пленных, находившихся в различных лагерях, то данные ими описания внутреннего распорядка жизни и вообще условий пребывания в плену получились бы очень различные, хотя каждый опрошенный не говорил бы ничего, кроме правды. Но как от свидетелей во французских судах берут присягу говорить одну правду и ничего, кроме правды, но не могут требовать от свидетелей сказать всю правду, так и каждый пленник неизбежно будет рассказывать только часть правды.

Находясь во время моего плена в нескольких госпиталях – в Сатмаре-Неймете¹⁸, Бржезанах¹⁹, Будапеште, Кенигрецце бей Эстергом²⁰, Кёсеге²¹, Брюксе²² и Лайтморице²³, я встречался в них со многими сотнями пленных из многих десятков лагерей, но и для меня было бы трудно обобщить все мною слышанное от них так, чтобы дать исчерпывающую картину, в которой было бы существенное и главное и не было излишних подробностей, не характерных для, если не всех, то хотя бы большинства концентрационных лагерей. Все же я попытаюсь сделать такое обобщение с тем, что когда мне придется говорить о том, или другом лагере, или госпитале, в котором находился за время своего плена генерал Корнилов, я буду попутно отмечать особенности устройства и жизни в этих лагерях, не характерные для всех лагерей вообще.

Еще в Германии, где лагерный режим и вообще быт пленных был строже регламентирован, он был более или менее одинаков; в Австрии же он менялся в каждом отдельном лагере в зависимости от личности командира лагеря и его произвола и от множества более мелких приводящих причин. Наконец и по своему устройству и оборудованию и по составу находившихся в лагере лиц лагеря были неодинаковы.

Были лагеря, помещавшиеся в замках частных лиц, и условия жизни в них были наиболее благоприятные, режим менее строгим, содержание и довольствие военнопленных по меньшей мере сносным; в этих лагерях размещали по преимуществу военнопленных штаб-офицеров, а из обер-офицеров – наиболее болезненных, или поправляющихся от ран. Солдат обыкновенно в таких лагерях не было вовсе, за исключением немногих вольноопределяющихся гвардейских полков, имевших какие-либо связи и знакомства в Австрии. После революции в эти лагеря стали переводить пленных, о которых было известно австрийскому командованию, что они близки с руководящими кругами Временного правительства, или состоят членами социалистических партий...

Были лагеря, помещавшиеся в специально устроенных бараках. Они также были неодинаковы. Одни из них были специально офицерскими, другие – солдатскими, третьи предназначались для пленных гражданских лиц, так называемых частных пленных, четвертые – были смешанными. Как общее правило, режим в лагерях последнего типа был суровее. В одних из

---

¹⁷ Автор неточен, название замка – Нойленгбах. Замок находится в 40 километрах западнее Вены. Основан в 1189 г. как центральное укрепление семьи Бахеров. В 1912 г. в замке случился пожар, уничтоживший весь его интерьер. В 1920 г. замок был выкуплен городом Вена и с тех пор используется в качестве приюта для детей-сирот.

¹⁸ Сатмар-Неймет – ныне город Сату-Мару в Румынии, в 13 километрах восточнее границы с Венгрией и в 25 километрах юго-западнее границы с Украиной. Сатмар – венгерское название до 1920 года.

¹⁹ Бржезаны – город Бржези в Чехии в 10 километрах юго-восточнее Праги.

²⁰ Кенигрецце бей Эстергом – ныне Каменице-над-Гроном, село в Словакии на противоположном от Эстергома берегу Дуная.

²¹ Кёсег – город в западной Венгрии на границе с Австрией. Известен также под немецким названием Гюнс.

²² Брюкс – деревня в округе Верхняя Франкония федеральной земли Бавария в Германии.

²³ Лайтмориц – ныне не существующая деревня на острове Рюген.

лагерей русские военнопленные помещались с пленными других наций: офицеры с офицерами, солдаты с солдатами; в этом случае положение русских военнопленных было лучше, так как пленные других держав являлись привилегированными в сравнении с русскими.

На какие-либо репрессии или притеснения своих пленных граждан другие западноевропейские страны отвечали такими же репрессиями по отношению к пленным немцам и австрийцам, почему к пленным англичанам, французам или итальянцам лагерные власти не решались применять таких суровых мер, а иногда и жестокостей, как к русским. Об этих мерах мне придется еще говорить, пока же должен отметить, что из военнопленных других держав в одинаковом положении с русскими находились сербы, так как пленные, взятые сербскими частями находились на содержании и под охраной итальянского правительства, и сербское правительство было бессильно так или иначе реагировать на обращение со своими военнопленными гражданами. Различные же правительства России при всех сменах властей и переворотах, в общем, одинаково безучастно относились к судьбам своих граждан, находившихся в плену. Поэтому, если в лагерях со смешанным национальным составом русских не всегда возможно было выделить для применения к ним режима, отличного от общего, то в лагерях, предназначенных исключительно для русских или русских и сербов, в особенности, если в таком лагере офицеры помещались вместе с солдатами, положение русских военнопленных становилось очень тяжелым.

Из взысканий, применявшихся к военнопленным офицерам, наиболее распространенными были: заключение на гауптвахте, строгий арест в карцере на хлеб и воду с выдачей горячей пищи на третьи или четвертые сутки, крепостное и одиночное крепостное заключение в сырых и темных казематах, заключение со сковыванием в кандалах, причем правая рука сковывалась с левой ногой.

Мне известен также случай, когда одного русского полковника пытали жаждой, давая ему в пищу исключительно селедки и не давая совершенно ему пить, чтобы выпытать у него, где он спрятал укрываемое им по слухам полковое знамя²⁴. К сожалению, я забыл сейчас этого полковника; кажется, он носил односложную, или, по крайней мере, очень короткую немецкую фамилию. Знамя удалось спасти: один офицер, художник, написал образ святого Александра, другие – сделали раму к образу, в которую и было, так сказать, замуровано полотнище знамени, а через объезжавшую концентрационные лагеря делегацию русских сестер милосердия образ удалось отправить в Россию в подарок от русских военнопленных офицеров государыне императрице Александре Федоровне.

---

²⁴ В случае попадания полкового знамени в руки противника полк подлежал расформированию как покрывший себя несмыслимым позором, поэтому офицеры и солдаты Российской Императорской армии шли на огромные жертвы ради спасения полковых знамен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.